

Минаков Василий Иванович

За время войны выполнил 206 боевых вылетов, в том числе 108 – на бомбовые удары, 31 – на торпедные атаки, по 28 – на воздушную разведку и минные постановки, остальные – на выброску разведчиков, грузов для партизан и прикрытие кораблей. После войны – на командных и преподавательских должностях ВМФ СССР, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации.

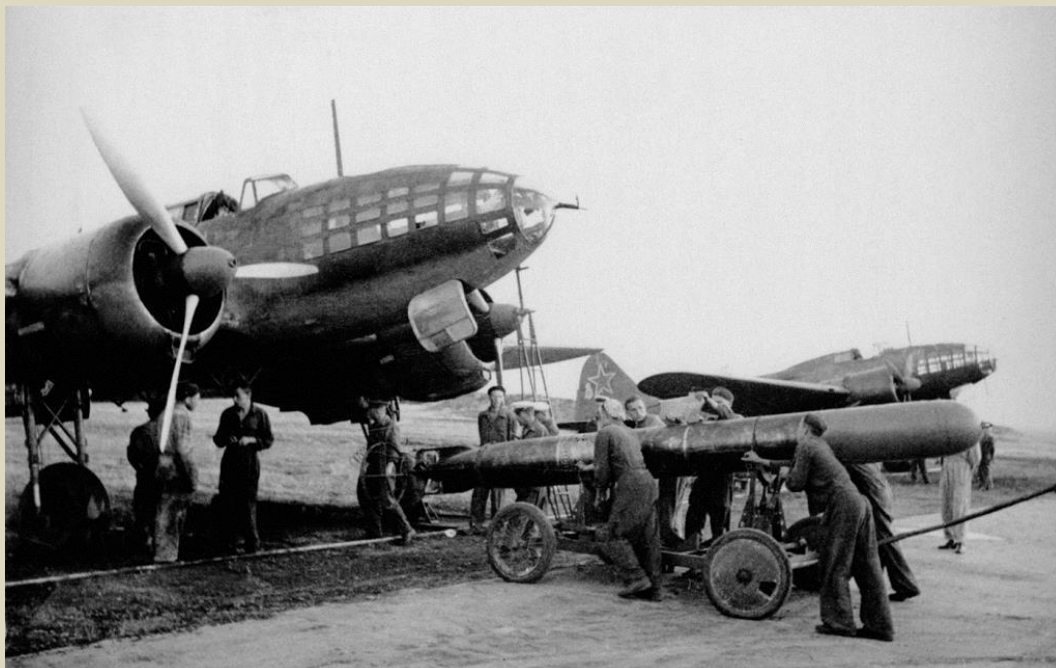
25 августа 1942 года я уже был обстрелянный, у меня было около 50 боевых вылетов. И дырки привозил, и аварийно садился – всё было! Но 25 августа произошло то, о чём я никогда и не думал даже.

Экипаж самолёта-разведчика под Новороссийском обнаружил танки. Немецкие танки шли и зашли в колхозный сад, и стали под кроны. Разведчик сначала прошёл, ничего нет. А когда сбоку посмотрел, танков примерно 70-80 стояло вот в этом самом саду в 50-60 километрах от Новороссийска. Готовились к прорыву.

И по тревоге нашему полку, нашей эскадрилье, приказали срочно нанести удар по этим танкам. Подвесили по 10 бомб в фюзеляж, по 3 бомбы под фюзеляжем, это будет 90 и 27, а всего 117 бомб, и отправили. И полетели мы, 9 самолётов.

А у нас, это ещё раньше объявили, до меня ещё: 11 июля 1941 года из нашего 2-го минно-торпедного полка, он потом в 42-м году стал 5-й Гвардейский, 12 самолётов бомбили транспорта в порту в Сулине. И вот командира эскадрильи атаковали истребители, и 20 мм снарядом ему голову снесло. Штурман не растерялся, Толмачёв Саша. Он вставил ручку в передней кабине, там были сектора газа, и он через Дунай перетянул, посадил самолёт. Румын там ещё не было.

И после этого лётчикам, приказали надевать каски, когда идёт воздушный бой, и когда сильный обстрел, когда тут море огня со всех сторон летит. Эта каска всегда в кабине находилась. Мы вытаскивали изнутри все амортизаторы, и она находилась с правой стороны. Если нужно, ты опускаешь руку, берёшь её и надеваешь. Но я её никогда не надевал. До 25 августа я не надевал.

...Но в тот день, когда открыли огонь, вы не представляете, это был ад! Рвутся снаряды белые, чёрные, осколочные, эрликоны бьют, «струями» всё пронизывают – это море огня! И уже когда мы заходили для сбрасывания бомб, люки открыты, у меня какой-то инстинкт самосохранения сработал. Я взял эту каску и натянул. Ну, ещё несколько секунд прошли, бомбы посыпались, я уже услышал запах пироксилина, это вставляют в пиропатроны, чтобы замки открывались. У меня буквально в 10 метрах, какое, даже метрах в 5 у крыла, прямо у крыла разорвалось 3 снаряда. Чёрные такие! Вот что я помню, больше ничего не помню. Рвануло, и я потерял сознание в воздухе. Всё!

Высота была 3200 метров. Самолёт перешёл в пикирование и пошёл отвесно пикировать. Хорошо, что я всегда на штурвале держал самолёт, он не «задирался». И я падал с 3200 метров до примерно 500 метров без сознания. Штурмана бросило вперёд, стрелков там... Сорвало кабину, радиостанцию привалило и прочее... Штурман не мог закрыть бомболюки штурвальчиком. И это тоже меня спасло. Самолёт набирал скорость, весь дрожал, люки открыты...

Я когда пришёл в себя и увидел на доске 500 под 600 километров в час, думал, ну, всё, погиб! Если выпрыгнуть... Да куда тут, уже 500 метров?! В секунду я бы в земле был. И я начал тянуть штурвал. Самолёт не выходит. Это всё секунды! Это я долго рассказываю. Тяну - не выходит. Я тогда хватаю триммер, а триммер – ручка, и раза три прокрутил. Самолёт поддался со скрипом, у-у-о-о-ооо, всё, думаю, сейчас...

И вот так метров 300 уже. Перегрузка такая большая. Уже, очевидно, до 6 дошла. Но я в сознании был. Я вижу, самолёт идёт, за штурвал держусь, и уже начал что-то такое соображать. Взял перчаткой замшевой провёл - всё в крови. Лицо всё в крови. Осколок вот такой попал в плексиглас, попал мне вот в это место, в каску. Потерял я сознание из-за него. Осколок упал в кабине.

У меня был этот осколок. Я в такой хорошей вазочке его держал. А потом в музей забрали. И где-то в военно-морском музее он находится. Вот такой осколок.

И потом я столько вылетов сделал, более 150 вылетов, а всего у меня 206 боевых вылетов, но я ни разу каску не одевал. В аду был, горел! У меня 10 штурманов было, правда, одного только тяжело искалечили, а у остальных ранения.

- А вы всю войну летали на Ил-4?

- Всю войну на Ил-4.

- А сколько самолётов поменяли?!

- Мой самолёт ни разу не меняли. Только ремонтировали. Делали латки.

- Да вы что?!

- Честное слово! Он весь в латках был. А погиб мой самолёт 18 августа 1944 года. Меня отправили в отпуск на 15 дней. И тут началась операция по взятию Румынии и Болгарии. На моём самолёте полетел командир эскадрильи, свой у него неисправный был. Над Констанцей его сбили. Сбили его не зенитки, а истребители. Из нашего полка над Констанцей истребители сбили 4 самолёта.

И нужно такому случиться! Я встретился с тем лётчиком, который сбивал наши самолёты! Можете себе представить?! Да вы представить даже себе не можете! Тот, который сбивал наши самолёты, и мой самолёт сбил, гад!

- Когда, где?!

- А это было так. Получил команду лететь в Румынию, около Констанцы был аэродром, а Румыния уже была освобождена. Я прилетел на этот аэродром, вышел, смотрю - стоят самолёты «Мессершмитт-110» штуки 4. Я говорю шофёру:

- Остановись! - а мне интересно.

Вышли с переводчиком. Вдруг подходит маленького роста человечек и показывает мне 4 растопыренных пальца и на мой самолёт, на котором я прилетел. Я переводчика спрашиваю:

- Что он говорит?

- Он показывает что 4 таких самолёта сбил.

- Сбил?!

Я бросился на него, и задушил бы этого гада! Но меня схватил за руку переводчик:

- Не нужно, товарищ капитан! Это история уже. Не нужно.

Но я всё же разок его догнал и не рукой, а ногой ударил.

А как они сбивали. Локатор с земли «увидел» приближающиеся самолёты. Взлетают истребители ПВО. На них тоже стоят локаторы и 4 антенны, а впереди 5-я. Эти истребители и ночью с земли наводят: высота, дальность - у него локатор работает, и он летит к цели. И как только визуально заметил (а на самолёте виден из патрубков огонь), он подходит и из 8 огневых точек разваливает наш самолёт. Вот так и мой самолёт погиб...